

Российская академия наук
Институт экономики

Н.М. Плискевич

ПАТЕРНАЛИЗМ И ПРОЦЕССЫ
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ

Москва
Институт экономики
2019

УДК 330.101
ББК 65.01

Плискевич Н.М. Патернализм и процессы постсоциалистической трансформации: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 45 с.

Аннотация. В докладе делается попытка объяснить, почему в России в XXI веке господствуют архаичные формы патерналистских отношений, а не патерналистские практики, характерные для современных развитых государств. Показано, что причины этого следует искать в архаичности всей институциональной структуры российского общества как системы «власти-собственности». Выход из этой системы осложнен «институциональными рубцами», которые возникли в результате предшествующих мобилизационных рывков с целью модернизации общества. В то же время доклад показывает, что патернализм есть органичная часть отношений в любом обществе. Он основывается либо на коллективизме «сверху», осуществляясь через крупные, прежде всего государственные, структуры, либо на коллективизме «снизу», опираясь на индивидуальную инициативу граждан и разного рода структуры гражданского общества. Здоровое общество находит органичное для себя сочетание этих двух форм патернализма. Однако, когда существует связка «власть-собственность», власть стремится к монопольному контролю над всеми общественными процессами, включая патернализм. В результате горизонтальные общественные связи резко ослабевают, что приводит к атомизации общества. А сама иерархичность системы создает почву для агрессивного адаптационного индивидуализма. При этом власть использует патернализм в качестве механизма для укрепления своей связи с обществом. Эту крайне важную для власти связь призваны укреплять политические институты, но в государстве с подавляемыми властью отношениями собственности политические институты деформируются. В результате на государственную и связанные с ней формы патернализма ложится непосильная нагрузка, что еще больше расшатывает искусственную институциональную конструкцию.

Ключевые слова: патернализм, власть-собственность, архаика, индивидуализм, коллективизм «сверху», коллективизм «снизу», атомизация общества, модернизация, теория реформ.

Классификация JEL: A13, B52, D72, D73, E61, H40, H50, P31.

© Плискевич Н.М., 2019
© Институт экономики РАН, 2019
© Валерис В.Е., дизайн, 2007

Pliskevich N.M.

PATERNALISM AND THE PROCESSES
OF POST-SOCIALIST TRANSFORMATION

Moscow – 2019

Pliskevich N.M. Paternalism and the processes of post-socialist transformation. – Moscow: Institute of Economics, RAS, 2019. – 45 p.

Abstract. This report attempts to explain why archaic forms of paternalistic relations rather than paternalistic practices typical of modern developed countries dominate in Russia in the 21st century. It shows that the reasons for this are to be found in the archaic nature of the entire institutional structure of Russian society as a system of “power-property”. The way out of this system is complicated by “institutional scars,” which arose as a result of previous mobilization-type breakthroughs to modernize society. Moreover, the report shows that paternalism is an organic part of relations in any society. It is based either on collectivism “from above,” carried out through large, primarily state structures, or on collectivism “from below,” relying on the individual initiative of citizens and various structures of civil society. A healthy society finds an organic combination of these two forms of paternalism. However, when there is a bundle “power-property,” the authorities strive for monopoly control over all social processes, including paternalism. As a result, horizontal public relations are sharply weakened, which leads to the atomization of society. And the hierarchy of the system itself creates the ground for aggressive adaptive individualism. At the same time, the authorities use paternalism as a mechanism to strengthen their connection with society. This crucial cohesion for the authorities is intended to strengthen political institutions, but in the state with suppressed property relations the political institutions are deformed. As a result, the state and related forms of paternalism fall under an overwhelming burden, and this further weakens the entire institutional structure.

Keywords: paternalism, power-property, archaic, individualism, collectivism “from above”, collectivism “from below”, atomization of society, modernization, theory of reforms.

JEL Classification: A13, B52, D72, D73, E61, H40, H50, P31.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
Глава I. Груз предшествующего развития как препятствие радикальным преобразованиям	10
Глава II. Место патернализма в постсоциалистической трансформации	25
Глава III. Патернализм в архаичных институциональных структурах	33
Заключение.....	40
Литература	42

Введение

Конец прошлого века ознаменовался массовым крушением «реального социализма» как во всех странах Центральной и Восточной Европы, так и на советском пространстве, распавшемся на 15 независимых государств. Само это крушение было объективно обусловлено накопившимися за десятилетия противоречиями, структурными искажениями экономики, все большей невозможностью социалистической системы поспевать за потребностями как технологических, так и органически связанных с ними социальных изменений, примеры которых давали наиболее передовые страны.

В то же время переход от одной системы к другой не мог ограничиться лишь сменой идеологии, как казалось многим в начале этого трудного пути. Необходимы были глубокие институциональные преобразования, связанные с демонтажем господствовавшей в социалистических странах системы «власти-собственности» на принципиально иную, основанную на демократических принципах, уважении прав частной собственности и рыночных отношениях в экономике. Сегодня, спустя 30 лет после начала преобразований, очевидны успехи одних стран на этом пути, провалы других, а также некое сложное, промежуточное состояние, в котором оказались третьи. Среди последних, к сожалению, можно назвать и Россию.

Представляется, что в основе расхождений в траекториях развития разных постсоциалистических стран лежит качество преобразования институтов системы «власти-собственности», на которой строилась социалистиче-

ская экономика. Если в одних странах эти преобразования оказались достаточно глубокими и, по сути, прошли точку невозврата, то в других, в том числе и в России, к 2000-м годам произошла переинституализация системы «власть-собственность» (см. [Нуреев, Рунов 2002]). В результате пошатнувшиеся было в начале 1990-х годов основные конструкции этой системы были воссозданы с внедрением в них элементов противоположной (рыночной и демократической) системы, которые все более внутренне перерождались при соприкосновении с господствующими институтами старой системы. В целом складывается картина институциональной архаики, блокирующей и технологическую, и социальную модернизацию страны.

Патернализм как органическая часть совокупности отношений любого сообщества (в том числе основанного на либеральных принципах) прошел за прошедшие десятилетия аналогичную эволюцию. Это естественно, поскольку формы патерналистских институтов производны от господствующих в обществе институциональных форм. При этом со стороны государства к патернализму просматривается двойственное отношение. С одной стороны, государство хотело бы сбросить с себя часть финансовой нагрузки, связанной с исполнением взятых на себя обязательств, но с другой — особенно в начале 2000-х годов делало попытки делить это бремя с новым бизнесом и структурами гражданского общества.

Интересно, что в начале своего президентства В. Путин отмечал блокирующую роль государства в процессе реформирования российского общества и экономики. В своем послании Федеральному собранию 2000-го года он указывал, что как раз государство способствовало этому «нечеткостью правил и неоправданными ограничениями». Говорилось и о том, что государству надо отказываться от всеохватного вмешательства во все сферы жизни общества, т.е., по сути, от государственного патернализма архаичного типа, и о необходимости диалога с обществом в решении текущих проблем. Путин подчеркивал: «Корни многих наших неудач — в неразвитости гражданского общества и в неумении говорить с ним, и сотрудничать. Власть все время бросается в крайности, то она не замечает, то чрезмерно опекает общество». И далее: «...очень многое зависит и от самих российских граждан. Развитие страны во многом определяется степенью их ответственности, зрелостью политических партий,

общественных объединений, гражданской позицией средств массовой информации» (https://ru.wikisource.org/wiki/Послание_Президента_Федеральному_Собранию).

Нельзя сказать, что власть в начале 2000-х годов не принимала абсолютно никаких шагов по налаживанию сотрудничества со структурами гражданского общества (к тому времени они были уже достаточно многочисленны). Достаточно вспомнить Гражданский форум 2001 года, на который пришел и Президент. Это была площадка, используя которую, в частности, можно было бы двинуться к более современным формам патернализма. Но такого движения не произошло. А патерналистское бремя государства постарались смягчить чисто финансовыми манипуляциями. Знаменитый закон о монетизации льгот 2005 года позволил государству снять с себя обязательства по финансированию многих льгот, ранее положенным наиболее уязвимым категориям населения. А идея о структурах гражданского общества, действующих в диалоге и сотрудничестве с государством, но независимо, быстро отпала сама собой, так как противоречила господствующей концепции построения «вертикали власти», в которой чем дальше, тем больше патерналистские отношения власти по отношению к населению играли ключевую роль. Важным этапом осложнения отношений власти и гражданского общества стало принятие закона об «иностранных агентах». Он превратился в серьезное препятствие деятельности НКО, даже не касающихся политики, а занимающихся сугубо благотворительными, экологическими и т.п. проблемами.

Можно сказать, что и в период президентства Д. Медведева в отношении к патерналистской политике господствовало не стремление к перестройке ее практик в соответствии с современными стандартами, а сугубо финансовый подход — обоснование сокращения расходов в этой сфере. Так, в знаменитой статье «Россия, вперед!» читаем: «Социальное государство — не раздувшийся советский собес и не спецраспределитель с неба свалившихся благ. Это сложная сбалансированная система экономических стимулов и социальных гарантий, юридических, этических и поведенческих норм, продуктивность которой в решающей мере зависит от качества труда и уровня подготовки каждого из нас». А среди пяти выдвинутых Медведевым приоритетов в качестве третьего значится борьба с широко

распространенными в обществе патерналистскими настроениями, уверенностью в том, что «все проблемы должно решать государство» (www.kremlin.ru/events/president/news/5413).

То есть и здесь, хотя о важности современной институциональной структуры, поддерживающей патернализм, и упоминается, но вскользь. А основной упор делается на смягчение финансовой нагрузки государства. Такой подход вполне сочетается с принципами произошедшей к тому времени переинституционализации системы «власти-собственности». И хотя бы в некоторых причинах сложившегося положения важно попытаться разобраться. При этом представляется, что истоки господства в современной России архаичных форм патерналистских практик логично начать с анализа дефектов отечественной институциональной структуры как базы для формирования всех норм и практик (и легальных, и нелегальных).

Груз предшествующего развития как препятствие радикальным преобразованиям

Ситуация на постсоветском пространстве, прежде всего в России, качественно отличалась от той, в которой оказались страны Центральной и Восточной Европы, а также государства Балтии. Нельзя не учитывать, что социалистическая модель в этих странах просуществовала почти на 40 лет меньше, нежели в СССР. И хотя данные страны и до Второй мировой войны отнюдь не относились к передовым европейским государствам, все же многие присущие капиталистической системе институты там присутствовали и соответствующие им формы социальной жизни сохранялись в памяти еще живущих к моменту преобразований людей. К тому же сама социалистическая модель воспринималась там как навязанная извне, что давало населению дополнительные моральные силы в борьбе с тяготами переходного периода. Да и сам переходный период оказался там не столь длительным и мучительным, как в России. С одной стороны, в этих странах не были столь сильные структурные перекосы в экономике, а с другой – они не только получали существенную помощь от западноевропейских соседей и США, но и, поставив целью войти в ЕС, вынуждены были более целенаправленно реформировать свою институциональную структуру, чтобы соответствовать стандартам Европейского содружества.

В России ситуация оказалась гораздо сложнее. И дело не только в структурных перекосах крайне военизированной экономики, сопровождавшейся запущенностью развития других сфер и в целом низкой рентабельностью производства. Сама история российских модернизаций, часто сопровождавшихся мобилизационными рывками в попытках догнать более передовые страны, прежде всего в военно-технической сфере, оставляла после таких рывков достаточно тяжелые социальные последствия, своего рода «институциональные рубцы»¹, не знакомые странам эволюционного развития (как

1. Обычно при описании процессов экономического реформирования используется термин «институциональная ловушка» как закрепляющаяся на практике неэффективная норма, издержки трансфор-

передовым, так и отсталым) [Плискевич 2016]. Основная проблема такой модернизации заключалась в том, что правители стремясь внедрить необходимые, с их точки зрения, передовые военно-технические достижения, пренебрегали развитием соответствующих им институциональной системы и социальных отношений.

Более того, общество, оказавшееся в ситуации мобилизационного рывка, испытывает острый дискомфорт из-за противоречий внедряющихся в него новых форм жизнедеятельности привычному укладу. Такой же дискомфорт испытывает и элита, как правило, оказывающаяся не соответствующей сложности взятой ею на себя миссии. Новые институты противоречат привычным для нее принципам управления и в целом организации всей жизни общества. К тому же, чтобы удержать общественную стабильность, приходится опираться на традиционные для общества, но более жесткие, чем обычно, методы управления. В результате такой модернизационный рывок оказывается в итоге если даже и успешным в плане копирования более передовых технологий, но обремененный выходом из него общества с «более примитивными институтами». Или даже речь может идти о вступлении страны в «порочный круг провалов и срывов, зачастую ведущий за собой стагнацию и неустойчивость, а также системную угрозу способности вбирать в себя новые веяния» [Эйзенштадт 2010, с. 46].

При этом такие искажения институциональных отношений вели не просто к укреплению традиционалистских элементов общества, а к усилению его наиболее архаичных форм. Причем эти формы, как ни парадоксально, подпитывались и институтами, привнесенными извне, но трансформированными с целью укрепления традиционалистской основы общества. Развивался процесс, который, по А. Гофману, можно назвать «модернизацией традиционности» [Гофман 2008, с. 26]. Он отмечает, что «если в традиционных

мации которой оказываются выше разницы между приведенными транзакционными издержками данной нормы и любой альтернативной нормы. Причем, «единожды попав в институциональную ловушку, система оказывается на неэффективной траектории. Ее дальнейшее развитие будет зависеть от того, насколько быстро будет найден выход из институциональной ловушки» [Полтерович 2007, с.78]. При этом представляется, что внедрение в систему в процессе мобилизационных рывков институтов, действие которых хотя и способствовало вначале некоторому ускорению реализации задуманного, но затем консервировало систему на столетия или десятилетия, блокировало возможности дальнейшего развития, позволяет говорить об институциональных последствиях таких ловушек как об «институциональных рубцах».

обществах доминирует инерция, следование заветам предков, традиции-привычки, которые 1) установлены раз и навсегда, более или менее неизменны и однозначны, 2) интерпретируются специальными хранителями традиций (жрецами, священниками, правителями), то теперь они а) подвижны, б) свободно интерпретируются самыми разнообразными субъектами». Гофманом выделяются наряду с традициями-привычками и традиции-реставрации, и традиции-революции. Но главное, у традиции «появляются конкуренты: заимствованные традиционные, нетрадиционные, инновационные формы социального действия, социальной регуляции и саморегуляции, выполняющие те же функции» [Гофман 2008, с. 26]. То есть традиционное общество в период модернизационных рывков вбирало в себя институции, которые, по мнению реформаторов, с одной стороны, соответствовали общему направлению выбранных модернизационных усилий, но с другой — должны были укрепить традиционные устои модернизирующегося общества, чтобы уберечь его от социальных потрясений, связанных с тяготами преобразований. Но такое противоречивое инструментальное отношение к внедряемым новым институтам искажало их суть, приводило к образованию «институциональных рубцов», не знакомых обществам, из которых эти институты были заимствованы. А это создавало новые, не известные ранее проблемы для будущего развития.

В России можно привести два ярких примера таких трансформаций, связанных именно с наиболее резкими мобилизационными рывками. Прежде всего это период петровских реформ, когда страна совершила модернизационный рывок в военной сфере и быстром развитии поддерживающей ее военно-ориентированной промышленности, но с опорой на такие несущие конструкции российского уклада, как крепостничество и самодержавие. Само напряжение реформаторства Петра I требовало дополнительного укрепления опор самодержавного государства, что и было сделано с помощью привнесенных из западных моделей бюрократических инструментов государственного управления. По замечанию А. Оболонского, «Петр I «обогастил» отечественную, «почвенную» традицию необузданного деспотизма власть имущих рационализаторскими механизмами деспотизма западного. Идеалом его было, как он сам выражался, регулярное — правильное — государство. Идеал

«регулярного государства» вначале имел известные резоны, но очень скоро породил одно из основных зол и вместе с тем основных черт русской жизни – бюрократию. Это обстоятельство имеет для российского общества глубокие и устойчивые, даже до сих пор не преодоленные последствия в том числе нравственно-психологического характера» [Оболонский 1997, с. 66].

Эта бюрократизация государства имела своим следствием важнейшую черту российского устройства: разделение государства и общества, которое все более углублялось в ходе дальнейшего развития как нашей страны, так и зарубежных государств, у которых изначально были переняты бюрократические формы управления страной. Однако, если в последних эти формы сочетались сначала с элементами политической активности элит, а затем и интенсивным развитием такой активности, охватывающим уже широкие массы населения, то отечественный вариант бюрократии, скрещенный с самодержавной традицией, вылился в отделение чиновничьего государства от общества и образование «вертикали власти», внешне представляющей могущественной, но дающей сбои при столкновении с серьезными проблемами. Да и внутренне такое государство изначально оказывалось «рыхлым». Ю. Лотман отмечал: «...петровское государство надежно защитилось от всяких случайностей системой законов, указов, приказов. Однако парадоксальным образом обилие правил обернулось хаосом. Законов издавалось исключительно много, и в этой путанице отменяющих и уточняющих друг друга государственных установлений можно было лавировать». И далее: «Слово «чин», по сути дела, разошлось в значении с древнерусским «порядок», ибо подразумевало упорядоченность не реальную, а бумажную, условно-бюрократическую» [Лотман 1994]. Но главное – без развития традиции политической жизни бюрократическое государство отделялось от общества, равно как и общество стало рассматривать всю «чиновную вертикаль» как чуждый элемент.

Но в то же время и традиционные общественные структуры (такие, скажем, как купеческие гильдии, общины и т.п.) самодержавная власть подчиняла своим интересам. неподконтрольные общественные образования преследовались, и в результате само общество вне подконтрольных власти структур все более атомизировалось. И сама вертикаль в отношениях с обществом, по сути, дробилась.

Внутри большой «пирамиды» вертикали образовывались на каждом уровне управления свои «пирамидки» со своим «самодержцем» на подконтрольной ему территории, ограниченным лишь в случаях, когда в его дела вмешивались вышестоящие органы «вертикали» (вспомним описание власти в обычном российском городке, данное Н. Гоголем в «Ревизоре»). Лишь после начала реформ Александра II начались попытки наладить взаимосвязи общества и государственных структур (судебная реформа, введение земства и т.п.), которые были вскоре заморожены. Но сам ход эволюционного развития привел к тому, что уже к концу XIX века, когда этот дефект отечественного государствовоительства стал серьезным препятствием эволюционного развития страны, возникла необходимость реанимации общественных структур. Это отметил в 1902 г. Э. Дюркгейм, в то же время констатируя парадоксальную ситуацию. У западных народов Европы государство было скорее следствием спонтанного развития общества: политическая организация формировалась постепенно, под влиянием экономического, демографического и нравственного состояния страны. Исторический процесс развивался здесь снизу вверх. В России оно происходило противоположным образом: государство у нас организовалось до общества, и именно оно общество и организовывало (см. [Гофман 1991]).

При этом Дюркгейм делал из данной констатации вывод не о силе, а о слабости российского государства, связанной с тем, что оно носит внешний по отношению к обществу характер, действуя на него слабо и поверхностно. В то же время дефект институциональных структур, из которых практически выпадал политически ориентированный компонент, призванный обеспечивать связи государства и общества, привел к тому, что вследствие слабости, а затем (в советский период) и практического отсутствия данного компонента стал гипертрофированно развиваться патернализм. Причем развитие это происходило в наиболее архаичных формах: испрашивания у властителя (патера) тех или иных льгот и привилегий или просто получения возможностей существования в соответствии с установленными тем же «патером» нормами.

Господство в общественных отношениях патерналистских принципов предполагает индивидуальное (или достаточно узкогрупповое) решение той или иной проблемы. В результате общество как

некое единство не формируется, ибо, по Дюркгейму, коллективное сознание «создает» общество посредством более широкого взаимодействия индивидов, и именно это удерживает его в состоянии единства [Гофман 2008]. Если же рычаги такого широкого взаимодействия ограничиваются грубыми указаниями «сверху», происходит атомизация общества при всей видимости господства коллективизма, насаждаемого «сверху» через государственные структуры, призванные оказывать патерналистскую поддержку (подробнее см. [Плискевич 2019]). В действительности же на уровне общества все большее значение приобретают индивидуалистические практики, и чем жестче государство стремится скрепить его «сверху», тем в большей степени развивается агрессивный адаптационный индивидуализм, вырабатывающийся в условиях, когда в иерархически выстроенной бюрократизированной структуре индивид вступает в борьбу со своими конкурентами за получение тех или иных благ. Этот феномен был отмечен Г. Дилигенским как один из важных факторов, оказавших свое отрицательное влияние на попытки перехода от системы «власти-собственности» уже в постсоветский период. Особенно важно, что этот вид индивидуализма «не ориентирован на свободную деятельность, сочетается с социальной пассивностью во имя групповых интересов» [Дилигенский 1997, с. 277].

Этот дефект развития российского общества сказался при его столкновении в 1990-х гг. с другим «институциональным рубцом», который был образован уже в советский период при очередном ужесточении конструкции «власти-собственности». Если самодержавие (воспроизведенное в советской конструкции) строилось на сосредоточении во властно-бюрократическом аппарате максимально возможных управленческих полномочий, то советская модель присовокупила к этому максимальный контроль над собственностью на средства производства. При этом определение собственности и собственника как официальные документы, так и наука стремились не конкретизировать. В Конституции СССР эта собственность была определена как «общенародная (государственная)». Но с началом перестройки все чаще стал возникать вопрос о том, кто же на самом деле является собственником средств производства. Прежде всего подверглось сомнению утверждение об «общенародности» этой собственности. Даже появилась работа об отчуждении

трудящихся от собственности [Кузьминов, Набиуллина, Радаев, Субботина 1988]. Многие по-прежнему считали ее государственной, хотя все чаще раздавались утверждения, что данная собственность «ничья». Так, П. Грегори полагал, что в СССР собственность принадлежала всем и никому [Грегори 2008]. Той же позиции придерживался и Е. Ясин [Ясин 2002, с. 50]. Авторы монографии «Экономические субъекты постсоветской России», принимая тезис об отчуждении собственности от народа и критически проанализировав идеи М. Джиласа и М. Восленского о номенклатуре как верховном собственнике в советской хозяйственной системе, заявили, что в ней «фактически не существовало верховного собственника, т.е. не было субъекта — носителя права конечного контроля права на остаточный доход. В этом смысле «общенародность» собственности заключается в ее ничейности» [Экономические... 2003, с. 40].

Противоречивые суждения о сущности социалистической собственности встречаем мы и в монографии Я. Корнаи. В итоге он подводит нас к ситуации полной неопределенности, трактуя собственность в условиях «реального социализма» в различных местах и как «государственную», и как бюрократическую, и как «ничью» [Корнаи 2000, с. 97–101]. В целом же, по его мнению, в этих условиях «деперсонификация прав собственности достигает крайних размеров. Какую государственную фирму ни возьми, не существует конкретного лица, семьи или небольшой группы партнеров, на которых можно было бы указать как на собственников... государственная собственность принадлежит всем и никому» [Корнаи 2000, с. 101].

Тем не менее, на мой взгляд, в условиях реального социализма у этой собственности был вполне реальный собственник. Таковой являлась коммунистическая партия, в рамках СССР — КПСС, обретшая специфическую форму партии-государства. Именно она стала фактическим собственником всех производственных активов страны. То, что именно эта сила, а не номенклатура как бюрократическое объединение управленческих кадров, являлась действительным собственником, свидетельствует прежде всего то, что именно партийная ответственность была главным критерием оценки деятельности любого управленца, который в обязательном порядке отчитывался перед партийными органами. Да и решения отраслевых отделов ЦК КПСС, как правило, оказывались более весомыми, чем

решения других структур, даже весьма квалифицированных, например Совета Министров СССР (подробнее см. [Плискевич 2006, с. 75–77]). И рассыпаться эта собственность стала как раз тогда, когда в результате перестроечных преобразований она начала лишаться одной за другой своих партийных опор. Сначала с принятием Закона о государственном предприятии (объединении) трудовые коллективы получили право самим выбирать себе руководителей, лишив монополии в данной сфере партийные органы. А с отменой 6-й статьи Конституции СССР роль партии как собственника еще более ослабла. Не случайны были слова председателя Совета Министров СССР Н. Рыжкова на IV съезде народных депутатов СССР: «Приоритет идеологии над экономикой – это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость... Это суть той модели, в которой мы жили. Это ее устой» [Четвертый... 1990, с. 24].

Но самым важным фактором, обусловившим специфику перехода к новой, рыночной, модели было то, что индивидуальных прав собственности и прав на доходы от нее не было ни у рядовых работников, ни у тех, кто составлял так называемую номенклатуру. Разумеется, последние, в зависимости от своего положения на иерархической партийно-государственной лестнице, обладали по сравнению с остальным населением существенными привилегиями. Однако с разложением, а затем и крушением старой системы связанные с ней формы поощрения их труда (нередко весьма квалифицированного) рухнули. И здесь, в ситуации распада старой системы собственности многие из них (равно как и представители иных групп населения) проявили те формы агрессивного адаптационного индивидуализма, о которых речь шла выше, в процессе раздела бывшей «социалистической собственности», причем задолго до объявленной приватизации.

Как, в частности, констатировали Е. Гайдар и А. Чубайс, уже с рубежа 1980–1990-х гг. «в приватизации были заинтересованы прежде всего чиновники, то есть номенклатура», которая, пользуясь своими рычагами управления, стала предпринимать действия по овладению управляемой ими собственностью. Начавшаяся еще до гайдаровских реформ номенклатурная приватизация «использовала разнообразные финансово-юридические технологии, самая «честная» из которых – аренда с выкупом» [Гайдар, Чубайс 2011, с. 59].

Признавая критику проведенной уже в официальных законодательных рамках приватизации, нельзя в то же время не учитывать и того, что сложность задачи (как сугубо экономической, так и официальной, и психологической) во многом была обусловлена созданным предшествующим мобилизационным рывком «институциональным рубцом». В результате собственность перешла прежде всего в руки носителей «агрессивного адаптационного индивидуализма» или просто обладателей специфического социального капитала. Подавляющее же большинство населения осталось ни с чем, а о самом процессе приватизации утвердилось мнение как о несправедливом, «антинародном» и т.п. А это создало в нашей институциональной системе еще один «рубец», склоняющий и власти, и значительную часть общества к архаике и потенциально закладывающий дополнительные трудности, которые возникнут при новых попытках модернизации.

Кроме того, нельзя не отметить еще одну специфическую черту российских преобразований, отразившуюся на их особенности. Резкие структурные перекосы отечественной экономики, нацеленной прежде всего на развитие военно-промышленного комплекса, вели к острой нехватке и продовольствия, и разного рода потребительских товаров, и необходимых населению потребительских услуг. Причем начавшийся с периода косыгинских реформ рост зарплат (а опережающими темпами как раз в военно-промышленной сфере) означал одновременно и постоянно растущий платежеспособный спрос населения на необходимые ему товары и услуги. Какую-то его часть удавалось покрыть за счет продажи за рубеж нефти и газа, но этот источник к середине 1980-х гг. иссяк. Но и в 1970-е годы за счет этого источника покрывалась лишь часть платежеспособного спроса населения.

Между тем спрос рождает предложение. И ко второй половине 1980-х гг. в стране сложилась вторая, теневая, экономика. В данном случае для нас важно, что ее активные акторы за долгие годы нелегальной деятельности выработали свою специфическую деловую этику, обладали связями как в криминальном мире, так и в правоохранительных структурах. Для них была привычна не уплата налогов государству, а «решение вопросов» своего бизнеса с конкретными представителями правоохранительных и административных

органов и хозяйственных структур, от которых зависели и обеспечение сырьем производства, и налаживание каналов сбыта готовой продукции. Деловая этика этих людей, влившихся еще во время перестройки в предпринимательский корпус, наложила на него свой отпечаток.

Названные особенности советской системы (как в ее формальном виде, так и в неформальном, теневом) также можно отнести к серьезным институциональным «рубцам», требующим особо тонкого подхода к их смягчению и нейтрализации. Причем появление этих «рубцов» обусловлено как раз существованием в стране «рубцов» прежних периодов, отсутствием осознания этого факта и, соответственно, поисков нетривиальных форм их нейтрализации. В то же время сам резко усилившийся ход кризисных событий рубежа 1980–1990-х гг. привел к обвальному крушению прежней системы.

Не удивительно, что начавшиеся в таких условиях экономические реформы быстро стали приобретать черты «дикого капитализма» прошлых веков со всей их архаикой. И если в ходе перестройки и начала реформ, по мнению А. Ахиезера, возможно, «самым большим достижением либерализма за всю историю страны была его способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества» [Ахиезер 1997, с. 673], то с нарастанием трудностей реформ, отягощенных действиями наиболее активных представителей «адаптационного индивидуализма», это достижение быстро сошло на нет. К тому же, хотя влияние либерализма в тот период действительно было достаточно сильным и охватывало широкие слои населения, в то же время нельзя не признать и то, что оно не было глубоким. Реформаторы не нашли верного языка, лозунгов, чтобы доходчиво объяснить людям свои цели и задачи. Не удивительно поэтому, что в период перед реформами, согласно опросам, до 70% высказывались за переход к рынку. Однако, когда их спрашивали, согласны ли они переносить трудности, связанные с этим переходом, — рост цен, безработицу, возможное закрытие их предприятия как нерентабельного, те же 60–70 % были категорически не согласны с такой перспективой. К тому же и среди самих реформаторов процент носителей агрессивного адаптационного индивидуализма оказался достаточно высок. И их действия компрометировали как их сорат-

ников-идеалистов, так и реформы в целом. Это, наряду с реальными трудностями большинства, которому государство предлагало лишь «проявлять личную инициативу», все более отторгало население от проводимых преобразований. Складывалось убеждение в их «антинародности».

Кроме того, чем дальше, тем больше становилось очевидным, что преобразования отклоняются от стандартов, предлагаемых развитыми странами, а формируемые экономика и общество обладают какими-то другими чертами. Уже в 1992 г. Ахиезер, в соответствии со своей трактовкой России как промежуточной цивилизации между либеральной и традиционной, охарактеризовал происходящее не как прорыв к либерализму, а как очередной переход к одной из форм существования российской цивилизации — локализму. Для него характерно то, что ослабление центральной власти ведет не к демократизации всего общества, а к перехвату властных полномочий более низкими ступенями иерархии. При этом используются либеральные лозунги, которые «нужны локализму прежде всего для решения отрицательных задач» [Ахиезер 1997, с. 679].

В такой ситуации оказались реформаторы, взявшиеся на высоком правительственном уровне за проведение либеральных экономических реформ. Однако импульсы, посылаемые правительством (как верные, так и, нередко, ошибочные), очень часто либо искажались, либо просто саботировались на более низких уровнях управления. Да и сам государственный аппарат, призванный реализовывать программу реформ, в массе своей состоял из специалистов, для которых были привычны старые методы и технологии, контролирующих функций в присмотре за вдруг появившимся свободным бизнесом, доверия к которому у чиновников не было (как и у бизнесменов к чиновникам). Отсюда и то явление, которое Р. Нуреев и Ю. Латов определили как «нерыночная адаптация к рынку» [Нуреев, Латов 2015, с. 64].

По сути, как отмечал В. Тамбовцев, в конце 1990-х годов, когда проблемы первого десятилетия реформ уже проявились, но не были еще отягощены массовым силовым переделом собственности, начавшимся с дела ЮКОСа, для новой экономики (равно как и для общества в целом) важно стало не столько обладание теми или иными ресурсами, сколько правила действия в тех или иных условиях,

принятые индивидами. Поэтому «вменяемые государством правила — те правила, которые отобраны на политическом рынке, будут реально функционировать в экономике тогда и только тогда, когда они «покупаются» на свободном институциональном рынке» [Тамбовцев 1999, с. 195]. И, анализируя изменения, прошедшие с начала реформ, В. Тамбовцев выделил, с одной стороны, отказ от присущего предшествующей системе принудительного назначения для субъектов хозяйствования как поставщиков ресурсов, так и покупателей продукции (важные институты старой системы), а с другой — либерализацию собственности и введение частной собственности на средства производства [Тамбовцев 1999, с. 195–196]. При этом им особо был выделен такой фактор новой реальности, как «регионализация правил хозяйствования», а также господство в стране вместо четких прописанных правил хозяйственной деятельности (в «белой» сфере, по его оценке, осуществлялось не более одной пятой рыночных оборотов), частных клановых соглашений и огосударственных клановых соглашений, в которых государство выступало гарантом, но не на основе закона, а избирательно [Тамбовцев 1999, с. 199].

Все это свидетельствовало и о незавершенности реформ, и о стремлении субъектов хозяйственной и политической деятельности действовать в личных интересах в неформальном поле, используя архаичные методы, входящие в прямое противоречие с законодательно прописанными правилами современной рыночной экономики. Такие *de facto* утвердившиеся неформальные правила в целом не затрагивали основ системы «власти-собственности», а в той форме, в которой они проводились (особенно приватизация), открывали возможности для ее институционального переформатирования.

При этом, как пишут Р. Нуреев и Ю. Латов, это переформатирование чаще всего склонялось к институциональной архаике, воспроизводству системы «власти-собственности». «Несомненным фактом является то, что разорвать зависимость собственности от власти — ликвидировать систему «власти-собственности» до сих пор не удается. Как и в СССР, в постсоветской России этот институт проявляется в двух формах: с одной стороны, как зависимость легального владения собственностью (особенно крупной) от отношений с властью, с другой стороны, как нелегальная система институциональной коррупции». Важно и то, что именно государство «остается

главным участником воспроизводства институтов власти-собственности» [Нуреев, Латов 2015, с. 76,82]. Более того, те же Нуреев и Латов констатируют, что государство «претендует на роль главного (или даже единственного) руководителя институтостроительством в постсоветской России, оставаясь главным участником воспроизводства институтов власти-собственности» [Латов, Нуреев 2017, с. 43].

В таких условиях значительное число предпринимателей применяет свой талант не в сфере творческого развития производства, а, по выражению В. Баумоля, заняты поиском «инноваций» на поле рентаискательства [Baumol 1990, p. 897]. Такое предпринимательство, существующее к тому же в атмосфере силового произвола и отсутствия рыночных правил, «неминуемо будет в значительной степени непроизводительным и даже разрушительным» [Нуреев, Латов 2015, с. 79].

В то же время важно упомянуть еще одну важную причину консервации институциональной архаики, особенно в ситуации, сложившейся в постсоветский период, когда огромные массы ранее «общенародной (государственной) собственности» обрели конкретных владельцев, которые в значительном числе случаев или вообще не платили за нее, или приобретали ее за чисто символическую цену. А события последних двух десятилетий, которые можно охарактеризовать и как переход от «экономики рэкета» к «экономике силового давления», «трудно описать в категориях «лучше»/«хуже»» [Нуреев, Латов 2015, с. 75]. В ситуации, когда обращение о защите своей собственности к законодательству и судебной системе оказывалось возможным лишь в случаях, если претендующий на вашу собственность (либо ее часть) не имеет серьезной поддержки в государственных или силовых структурах, да и само ее происхождение, пусть и легитимное, согласно прежнему законодательству, но вызывающее вопросы в связи с последующими законодательными новациями, рождает крайнюю неопределенность. И новые собственники, естественно, стремятся обрести поддержку власти и тем самым укрепить свое положение. Создается достаточно сплоченный слой так называемых «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman 1998].

Эти «промежуточные выгодоприобретатели», сросшиеся с властью, являются наиболее весомой антиреформаторской силой,

нежели недовольные реформами широкие массы, не вписавшиеся в новую жизнь и проигравшие от преобразований. Они обладают всеми рычагами (в том числе законодательными и силовыми), чтобы «законсервировать» преобразования на выгодном для них этапе, чтобы «продолжать поддерживать свои позиции и получать различные виды ренты как от государства, так и от общества» [Бусыгина, Филиппов 2012, с. 39].

В такой ситуации начинают рваться связи между властью и обществом. Все дальше между представителями блока «промежуточных выгодоприобретателей», а также лиц, непосредственно их обслуживающих, и остальным обществом начинают расходиться представления о социальных установках и ценностях, взглядах на справедливость, этические основы поведения. И так как именно страта «промежуточных выгодоприобретателей» в условиях системы «власти-собственности» сосредоточивается не только на экономических, но и на властных высотах, как раз она получает возможность корректировки в свою пользу и законодательских, и правоприменительных, и политических процессов. А политический аспект в сфере общеэкономического анализа — «не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный, и главное — наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие отдельные индивидуумы — пассионарии, раньше других обнаруживающие «болевы точки» социума; средства массовой информации, общественные движения и партии, служащие «институциональным лифтом» для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных уровней, которые в конечном итоге формируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям» [Рубинштейн 2016, с.25, 26]. И именно этот процесс А. Рубинштейн рассматривает «в качестве принципиального механизма политической ветви формирования интересов общества как такового» [Рубинштейн 2016, с. 26]. Но процессы, вызванные гипертрофированным представлением интересов «промежуточных выгодоприобретателей» в ущерб интересам массы общества (которые к тому же вполне могут и не осознаваться или осознаваться искаженно значительной частью этой массы), все больше ведут к расхождению интересов этих групп по сути единого социума.

В такой ситуации важно сохранять общую стабильность, не допускать принципиального разрыва связей между «верхами» и «низами». И если такие инструменты, как политический процесс, равный доступ к правосудию, оказываются искаженными, то остается вариант, связанный с опорой на распределение «сверху» части получаемых бенефициариями системы рентных доходов среди более широких масс населения. Поэтому основной упор в процессе поддержки стабильности власть делает на патернализм, причем в формах, призванных обеспечить основную ее задачу — укрепление общей стабильности, а не поддержку действительно в ней нуждающихся как отдельных лиц, так и целых отраслей деятельности, жизненно необходимых для успешного модернизационного развития общества — науки, образования, культуры, здравоохранения.

Место патернализма в постсоциалистической трансформации

Все более интенсивное обращение к патерналистским практикам по мере утверждения нового переформатирования системы «власти-собственности» вполне закономерно. Ведь эта система опирается на коллективистские принципы, неразрывно связанные с патернализмом. Правда, при признании роли коллективизма в конструкции «власти-собственности» важно сделать одну существенную оговорку. Любое общество, будучи, по сути, сообществом объединенных между собой тем или иным способом индивидов, несет в себе коллективистское начало. Однако этот коллективизм может развиваться как «снизу», вырастая из потребностей отдельных граждан или их групп, объединенных общим делом или идеями, и в результате способствуя их объединению в различные сообщества, сетевые структуры, благотворительные и волонтерские организации, а также частные фирмы и иные производственные, исследовательские и прочие организации. В то же время есть много сфер, требующих формирования коллективизма «сверху», прежде всего в формах общенационального и государственного единства, предполагающих подчинение индивидуальных или групповых интересов интересам всей общности, от имени которой, как правило, выступает государство.

Современному сложному обществу, вступившему в новый этап постиндустриального, цифрового, развития, жизненно необходимо нахождение гармоничного соединения этих двух форм коллективизма. Собственно, успех западноевропейской цивилизации во многом связан с тем, что ей в ходе исторического развития удалось выработать формы сосуществования коллективизма «сверху» и «снизу» в повседневной деятельности. Оно формировало у членов общества определенную мотивацию поведения, которая «выполняет роль посредника между средой и поведением, будь то рациональное, подражательное или привычное поведение» [Грейф 2015, с. 33].

В работе, посвященной анализу того, как в ходе исторического процесса складывалось то или иное сочетание институтов, основывающихся на различных сочетаниях двух видов коллективизма (причем с привлечением сравнительного анализа институтов европейского Средневековья и мусульманского мира), А. Грейф исходит из того, что «мы должны знать, почему некоторые поведенческие правила, возникающие внутри или за пределами государства, выполняются, тогда как другие игнорируются, а это невозможно в рамках анализа, считающего мотивацию экзогенной». Он приходит к выводу, что развитие, «ориентированное на государство, и развитие, ориентированное на сообщество, сталкивается с... проблемой создания соответствующих стимулов для правительств, политиков, агентов государства и представителей сообществ. В отсутствие институтов, дающих мотивацию принимать меры, укрепляющие благосостояние, и проводить политику, направленную на поддержку институционального изменения, укрепляющие благосостояние, развитие тормозится» [Грейф 2015, с. 33–34, 452].

Для системы же «власть-собственность» как системы сущностным элементом является стремление со стороны власти к максимально возможному в тех или иных исторических обстоятельствах контролю над собственностью, а значит, над возможностью свободного развития любых сфер общественного бытия, органичным является всемерное развитие коллективизма «сверху». Обратная сторона этого процесса — подавление как по сути враждебного ему коллективизма «снизу». Однако, как уже было сказано, современному сложному обществу для решения стоящих перед ним разнообразных задач присущи сочетание обеих форм коллективизма и обслуживающая данное сочетание сложная и постоянно совершенствующаяся институциональная структура. Отставание здесь ведет и к институциональной архаике, опирающейся на господство коллективизма «сверху», а как следствие, и на утверждение в обществе архаичных форм патернализма, который неразрывно связан с теми институциональными формами, который диктуют господствующие в данном обществе формы коллективизма.

Вместе с тем практика показывает, что в процессе эволюции передовых обществ усложнялись не только все более широко применяемые технологические и производственные практики.

Само их развитие требовало постоянного изменения и институциональных, и социокультурных форм, вызывало необходимость их соответствия новым этапам развития производительных сил. Эти изменения не могли не затронуть и господствующих в обществе форм патернализма, приводили к их усложнению, к появлению более тонких его инструментов, равно как и к большей адресности в выборе поддерживаемых групп населения или сфер общественной жизни, а также к расширению круга тех, кто мог бы занять позицию «патера», даже потеснив при этом с традиционных позиций государство.

Новые формы патернализма, с одной стороны, направлены на поддержку тех областей жизни общества, которые выпадают из сферы рыночных предпочтений индивидов, но в то же время без их развития невозможен быстрый прогресс. Сюда, например, можно отнести сферы искусства или фундаментальной науки. Как правило, оказывается, что без общенаучной и культурной базы и в технологических сферах довольно быстро наступает застой, ибо их нормальное развитие зиждется на идеях и открытиях, сделанных в, казалось бы, отвлеченной сфере фундаментальных наук или почерпнутых из сферы искусства образах. Нельзя забывать и того, что современная ориентация в мире высоких технологий и коммуникаций требует носителей человеческого капитала такого уровня, которого немислимо достичь без высокой степени образованности и возможности (равно как и внутренней потребности) знакомства с широким спектром достижений литературы и искусства, как классического, так и современного. С другой стороны, современные инструменты патерналистского характера не только учитывают личные предпочтения индивида, но и подталкивают его к выбору в своей поведенческой практике принятия решений, благоприятствующих развитию общества во всем его многообразии. Такие патерналистские инструменты, по сути, способствуют реализации одного из фундаментальных принципов либеральной демократии [Лейнхарт 1997].

Данная эволюция патернализма происходила не одно десятилетие и вписывалась в общую эволюцию развитых обществ от одного технологического и институционального этапа к другому. А. Рубинштейн продемонстрировал развивающиеся во времени в связи с этапами модернизации общества в целом и, соответственно, эволюционирующих рыночных отношений изменения в характе-

ре патерналистских подходов, изменяющихся по мере развития и совершенствования не только социально-экономических отношений, но и возрастания роли институтов гражданского общества. Со временем оно вырабатывает рычаги не только непосредственного воздействия на принятие государственных решений, но и создает свои инструменты, позволяющие выявлять сферы, нуждающиеся в помощи и поддержке, и непосредственно оказывать ее [Рубинштейн 2016]. Справедливым в связи с этим можно признать и замечание Т. Чубаровой, что проблема патернализма вообще и патерналистских тенденций в современной России в частности заключается отнюдь не в оправданности самого патернализма, а в степени удачности, рациональности тех или иных патерналистских практик [Чубарова 2017].

В то же время как раз практики российского патернализма свидетельствуют, что при наличии в стране, казалось бы, современных институтов, имплантированных из развитых государств, мы постоянно сталкиваемся с явно не соответствующими им формами патерналистской деятельности прежде всего государства. Вместо форм «нового» патернализма, органичных для обществ, построенных на либеральных и демократических принципах, связанных с сотрудничеством государства и гражданского общества и соответствующих потребностям нового, постиндустриального, этапа развития, перехода к информационному обществу, у нас утвердились методы, характерные «для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходящие сито консоциативного отбора, перерождаются в свою противоположность» [Рубинштейн 2016, с. 484].

Важно подчеркнуть, что признание утвердившихся в 2000-х гг. в России архаичных форм патернализма отнюдь не отрицает патернализм как один из элементов взаимопомощи и сотрудничества членов современного общества. Хотя такое противопоставление патерналистских тенденций и свободного индивидуального развития нередко. Так, А. Темницкий полагает: «...обобщающей характеристикой российской цивилизации, ее один из главных маркеров и, вместе с тем, обладающей различными социальными и культурными признаками на различных исторических этапах, можно назвать патернализм» [Темницкий 2010, с. 462]. При этом он полагает, что в стране возможен прорыв традиции патерналистских отношений

за счет подъема творчества, роста массовой личной инициативы в сфере труда, критического восприятия и действий по отношению к неэффективным социальным практикам.

Такой взгляд на патерналистские практики в современной России достаточно распространен. Но, представляется, что основной его недостаток состоит в том, что в данном случае патернализм предстает как специфическая форма общественной жизни, противостоящая свободному развитию. Причем при таком подходе патернализм, по сути, отрывается от архаичной институциональной структуры нашего общества, к тому же искаженной внесенными в нее, казалось бы, современными и прогрессивными институтами, которые в наших условиях искажаются и деформируются. А при таком взгляде за рамками анализа оказываются современные формы патернализма, опирающиеся прежде всего на развитие сетевых, горизонтальных связей в обществе.

В то же время «вертикаль власти», заблокировав развитие независимых гражданских институтов, приняв целую серию законов, блокирующих нормальные политические процессы, возложила на патерналистские практики роль «скреп» общества, которые в таких условиях, по сути, оказались в роли важнейшего канала связи общества с властью. Причем и сама эта блокировка вполне соответствует одной из сущностных черт системы «власти-собственности» — стремлению к монополизации влияния власти в самых разных сферах. Но в то же время, выстраивание отношений с обществом на таких принципах ведет к перерождению (точнее — блокированию развития) самого патернализма, ибо на него возлагаются не свойственные ему функции стабилизатора вертикальных связей, с одной стороны, и сковываются каналы развития новых многочисленных его форм, связанных с развитием коллективизма «снизу» — с другой.

Нельзя также не обратить внимание на еще одну оборотную сторону такой политики. Государство, сосредоточивая на себе и те связи, которые вполне могли бы быть организованы людьми «снизу», тем самым освобождает их от ответственности за результаты этих заблокированных связей. И чем шире государство распространяет свои инструменты регулирования, тем больше вторгается в организацию повседневной жизни людей. При этом побочным результатом такой политики становится атомизация общества. Все

чаще сегодня высказываются сомнения в том, что современное российское общество — коллективистское. Так, Г. Юдин пишет: «Наша проблема в том, что в России господствует агрессивный индивидуализм, который подпитывается страхом и превращается в жесткую конструкцию, тотальное взаимное недоверие и вражду» [Юдин 2018]. А по мнению А. Ильина, «сегодняшнее российское общество можно назвать деполитизированным и чрезмерно атомизированным» [Ильин 2015]. А. Бызов, анализируя специфику «путинского консенсуса» по результатам первого года последнего президентского срока В. Путина, полагает, что именно атомизация общества определяет логику поведения людей [Бызов 2019, с. 47].

Таким образом, государство, непомерно расширяя в целях самосохранения патерналистские отношения, контролируемые «сверху», не только одновременно заглушает стимулы к индивидуальной инициативе, на которые в современном обществе опираются и технологические, и научные, и социальные, и культурные инновации. Его политика ведет и к атомизации общества, размыванию того традиционалистского коллективистского фундамента, на котором выстроены его собственные конструкции.

Если мы теперь вернемся к предложенной А. Рубинштейном картине эволюции форм патернализма в развитых обществах, то увидим, что они все более отклоняются от принципов архаичного патернализма как выражения «отцовской заботы государства о гражданах» и переключаются на те его принципы, которые вытекают из развития коллективизма «снизу». Это позволило вывести теоретическое утверждение, что «патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую ярко выраженную либеральную направленность» [Рубинштейн 2016, с. 482].

Однако представляется, что к данному теоретическому выводу, вполне справедливому для ситуации стран, перешедших к стадии постиндустриального, инновационного общества, необходимо сделать одно уточнение. Институциональная эволюция форм патернализма является производной от общей институциональной эволюции общества. Как подчеркивает Н. Зарубина, в России «на массовом уровне приспособление к усложнению социума и ускорению его динамики происходит не через развитие инновативности, а

посредством архаизации социальных практик, т.е. стихийного обращения к решениям, почерпнутым из прошлого, как к возможности адаптироваться к трудностям через поиск простых ответов» [Зарубина 2015, с. 40]. И если общество в целом еще не созрело для перехода к новым институциональным формам – к порядкам открытого доступа по Д. Норту, Д. Уоллису и Б. Вайнгасту или инклюзивным институтам по Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Д. Робинсону, то трудно ожидать появления в нем новых форм патернализма, не искаженных влиянием основной архаичной конструкции.

Но если отвлечься от моментов, тормозящих развитие общества, а вместе с ним и развитие новых форм патернализма, то можно мысленно представить эволюцию этих форм на шкале «индивидуализм в сочетании с коллективизмом «снизу» – патернализм, опирающийся на коллективизм «сверху»». На такой мысленной шкале становится видно, как по мере развития общества и в связи с обострением в нем потребности в развитии личной инициативы, особенно связанной с современными технологическими и социальными инновациями, выявляется тенденция ослабления жесткости тех форм патернализма, которые обусловлены господством коллективизма «сверху». Эти формы начинают постепенно ослабевать, смещаясь на данной шкале к полюсу, обозначенному как «индивидуализм». В то же время, и со стороны этого полюса также начинают смещаться по направлению к противоположному полюсу те формы патернализма, которые связаны с «позитивным индивидуализмом» по Вельцелю [Вельцель 2017, с. 207–229] и которые подкреплены коллективизмом «снизу». И чем развитее и здоровее общество, тем явственнее должны проявляться эти направления движения навстречу друг другу. В то же время, абсолютизация патерналистских методов, основанных на коллективизме «сверху», на одном полюсе порождает атомизацию общества с его агрессивным адаптационным индивидуализмом – на другом, что свидетельствует об архаичности общественных связей, а в современных условиях – и о крайней внутренней неустойчивости такой конструкции.

В целом торможение преобразований обусловлено отнюдь не «реакционными традициями», а отсутствием «устойчивого среднего уровня бытия, на котором... изменения могут закрепляться в стабильных органичных структурах» [Зарубина 2015, с. 33]. А ос-

нову этого «устойчивого срединного уровня бытия» во многом как раз и образуют структуры, опирающиеся на коллективизм «снизу». На этой основе строятся важнейшие социально-экономические связи, в том числе и патерналистского толка. Причем они не заменяют вертикально выстроенные государственные структуры, призванные поддерживать нормальное функционирование как целых отраслей и сфер жизнедеятельности, без развития которых немислимо развитие современного общества, так и отдельных граждан, по тем или иным причинам нуждающихся в поддержке.

В то же время именно такое разрастание архаичных форм патернализма как отражение коллективизма «сверху» (или «вертикали власти») таит в себе угрозу для устойчивости всей конструкции. Беря под прямой или косвенный контроль максимальное количество областей жизни общества и блокируя возможности развития в большинстве из них новых форм, основанных на коллективизме «снизу», государство упускает важный момент. Принявший на себя бремя патерналистской заботы одновременно принимает и груз ответственности за взятых под опеку людей и целые сферы их деятельности.

Патернализм в архаичных институциональных структурах

Стремясь укрепить структуры «власти-собственности», в которые, с одной стороны, при попытках демонтажа этой системы были вмонтированы демократические конструкции, призванные обеспечивать коммуникации общества и государства, но с другой — сам процесс укрепления системы «власти-собственности» все более превращал их в симулякры, власть вынуждена переносить на патернализм нагрузку, непосильную для тех его архаичных форм, которые *de facto* оказываются в положении почти единственно легальных. Но такая политика в итоге оказывается разрушительной как для государства, так и для действующих патерналистских практик. Российские граждане, как, впрочем, и граждане других стран², обычно охотно готовы переложить решение своих проблем на «патера», при этом одновременно перекладывая на него и ответственность за их решение. В то же время в современном обществе сферы, нуждающиеся в поддержке, столь многочисленны и разнообразны, что государство, особенно то, которое в своем стремлении утвердиться, укрепиться, стремится монополизировать сферу патерналистской поддержки (или, как минимум, взять под контроль все ее негосударственные потоки), оказывается просто не в состоянии выполнить свои обязательства. Поэтому и институциональная структура общества и государства, и производные от ее состояния патерналистские практики должны быть многообразны, гибки, включать в себя ресурсы и возможности не только государства, но и институтов гражданского общества. Однако деятельность последнего (равно как и

2. Любопытными в этой связи представляются размышления А. Вайды конца 1990-х гг. Он пишет о том, что М. Геллер (публицист парижской «Культуры») как-то сказал ему: «Анджей, коммунизм в Польше ненавидели не потому, что он чужд натуре поляков, а потому, что он был принесен на штыках с Востока». И Вайда продолжает: «Я считаю, что это ключевая формула. Поскольку уже нет Советского Союза, то и побег из свободы в коммунизм больше не кажется полякам чем-то плохим. Потому что теперь некуда спрятаться от ответственности. Не защищает нас заботливое государство, не хранит чувство единства, оно распалось, когда не стало общности интересов» [Вайда 2005, с. 304].

индивидуальных меценатов и благотворителей) в современной России или блокируется, или берется под строгий контроль. Хотя нельзя не признать и того, что в последние годы государству это дается все труднее.

В целом существующая ситуация сказывается на отношении населения к сложившимся патерналистским практикам. Разумеется, многие из россиян охотно сняли бы с себя ответственность за решение своих проблем, передавая ее государству. В то же время они видят, что это государство, хотя и провозгласило себя «социальным», часто не спешит выполнять взятые на себя обязательства. Напротив, оно стремится сбросить часть из них, особенно в связи с сокращением поступления в страну нефтедолларов. Это отражается и в раздвоенности российского общественного сознания. Яркое свидетельство тому – сопоставление данных двух мониторинговых опросов Левада-Центра (табл. 1 и 2).

Таблица 1. С какой из следующих точек зрения по поводу социальной защиты населения вы могли бы скорее согласиться? (в %)

Годы	1999	2005	2008	2011	2014	2015	2016
Государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем гражданам	52	53	61	47	50	46	52
Государство должно обеспечивать помощь всем, кто попал в трудное положение, например лишился работы и т.п.	25	23	18	29	26	29	25
Государство должно обеспечивать помощь только тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам: пенсионерам, инвалидам, сиротам	17	18	17	20	18	19	17
Люди должны сами заботиться о себе и сами обеспечивать себе нормальную жизнь без какой-либо помощи государства	3	3	2	2	4	3	4
Затруднились ответить	2	3	2	3	2	3	2

Источник: [Общественное... 2017, с. 22].

Таблица 2. На что вы сейчас больше рассчитываете? (в %)

Годы	1996	1998	2008	2011	2014	2015	2016
На собственные возможности и силы	75	78	79	74	71	75	78
На социальную защиту и поддержку со стороны общества, государства	20	17	18	23	25	22	18
Затруднились ответить	5	4	3	3	4	3	5

Источник: [Общественное... 2017, с. 22].

Из данных таблиц видно, что в течение 20 лет стабильно более 70% населения придерживались архаично-патерналистских позиций, порядка 17–20% склонялись к более современным формам государственного патернализма и лишь 2–4% высказывались за необходимость самостоятельного решения своих проблем (что, кстати, меньше тех 15–20%, которые, согласно многим опросам, успешно вписались в новую жизнь). Однако эти данные резко контрастируют с данными другого опроса, отражающего реалистичность отношения россиян к сложившейся ситуации: более 70% населения регулярно отвечают, что при возникновении каких-то проблем они будут рассчитывать лишь на свои силы и на помощь близких. И только от 17 до 25% все же надеются на поддержку общества и государства. (Здесь мы видим также и косвенное свидетельство атомизации российского общества.)

Это противоречие ярко демонстрирует реалии социальной политики современного российского государства как «патера» и его отношение к категории «ответственность» применительно к своим собственным действиям и предпочтениям. Особую остроту ситуации придает присущая самой структуре системы «власти-собственности» иерархичность в распределении «бесплатных» услуг. Она вызывает все большее недовольство масс как несправедливая и призванная удовлетворять прежде всего потребности околовластного сословия. Такую двойственность отношения населения по отношению к государству-«патеру» подчеркивает, например, М. Волькенштейн (генеральный директор исследовательской компании Validata), отмечающая, что в «общественном представлении государство должно быть патерналистским», что именно государству люди «хотели бы делегировать и правозащитные и другие гуманитарные функции». Но при этом она особо подчеркивает наличие в этой сфере исторически закрепленного механизма двоемыслия: «Ожидания, что государство возьмет на себя функции социальной защиты, огромны — и примерно такие же, как неверие в то, что оно это сделает» [Волькенштейн 2018].

Представляется, что именно политика государства оказывается ключевым элементом в формировании качества того патернализма, которое утверждается в идеологических установках общества. Причем важно отметить разность ситуаций в связи с пробле-

мами патерналистской поддержки как части социальной политики, направленной на облегчение положения людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, так и отдельных институций и сфер общественной жизни, которые по самому роду своей деятельности не способны давать сиюминутную отдачу, но от успешности их функционирования зависит качество модернизационного развития общества, качество человеческого капитала, особенно в современной ситуации перехода к цифровому постиндустриальному обществу. Прежде всего это сферы фундаментальной науки, образования, искусства, культуры, здравоохранения. Известно, что государство как в советский, так и в постсоветский период постоянно финансировало эти сферы по остаточному принципу (кроме ориентированных на военные нужды научных исследований). И государство или подконтрольные ему ведомства – учредители таких институций – нередко не выполняли своих обязательств. Однако, как отметил А. Рубинштейн, вместо ответа на вопрос, сколько должно быть выделено бюджетных средств для нормального финансирования учреждений указанных сфер, государство, прежде всего его финансовое ведомство, формирующее бюджет, «пошло по привычному пути нормирования и регламентирования затрат» на их деятельность. В результате «чиновникам Минфина удалось невозможное – бюджетные *обязательства* учредителей «переплавить» в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно устанавливаемые этим ведомствам требования в отношении расходов труда и материалов» [Рубинштейн 2019, с. 118].

Однако такой способ уклонения от ответственности череват не только размыванием тех основ системы «власти-собственности», которую хотели поддержать, опираясь на монополизацию патерналистских практик, но и дискредитацией самих этих практик. А значит, и в общеинституциональной сфере такая практика деструктивна. Кроме того, она тяжело сказывается и на тех, кто работает, или хотел бы работать, в этих сферах деятельности. Не одно десятилетие мы наблюдаем «вымывание» наиболее способных работников из этих сфер деятельности, их переход или в более достойно оплачиваемые структуры, или отъезд на работу за границу (об «утечке мозгов» говорится не одно десятилетие, но причину этого явления и не думают устранять).

В то же время сложившаяся ситуация все более и более не устраивает российское общество, прежде всего активных его членов. Несмотря на все преграды, и даже опасности, начинают развиваться самые разные формы коллективизма «снизу», охватывая не только разнообразные виды благотворительности, волонтерства, но и такие области искусства, как, например, кинематограф, требующие значительных средств. Ныне есть уже немало примеров, когда известные или только начинающие деятели искусств, не желая обращаться к «патеру»-государству либо подконтрольному ему бизнесу, собирают средства на свои проекты с помощью краудфандинга. Рост подобных движений, равно как и рост общего запроса на перемены (см. об этом, в частности, [Белановский, Дмитриев, Никольская 2019; Дмитриев, Никольская 2019]) позволил даже говорить о возможности модернизации «снизу», опирающейся как раз на формы коллективизма «снизу». Хотя в целом фиксируется, скорее, многоаспектность и разнонаправленность идущих процессов. Так, В. Магун, отмечая противоречивое взаимодействие модернизационных и контрмодернизационных процессов, в целом констатирует «медленные, но очень устойчивые, направленные изменения», которые «идут в сторону индивидуализма» [Магун 2018]. То есть накапливается потенциал развития коллективизма «снизу» как альтернативы государственническому коллективизму «сверху».

В то же время нельзя не учитывать и потребности в патерналистской защите массы членов общества, не сумевших обеспечить себя в той мере, в какой это сделали разного рода носители «агрессивного адаптационного индивидуализма». Их проблемы связаны и с так и не преодоленными структурными перекосами старой экономики, и с резко возросшим в постсоциалистическое время региональным неравенством, и с той «системой низких зарплат», которая была создана в советский период и используется до сих пор (см. [Плискевич 2010]). Не случайно даже в официальной статистике величины медианной зарплаты гораздо ниже «средней» зарплаты. В этой ситуации людям гораздо сложнее решать свои проблемы, так как к старой «системе низких зарплат» прилагались такие способы смягчения положения, как дотирование многих продовольственных товаров, системы ЖКХ, общественного транспорта и т.п. Сегодня эти расходы в значительной части переложены на население.

ние. Не удивительно, что даже в «тучные» 2000-е годы, по расчетам Независимого института социальной политики, 60% экономически активного населения относилось к категории малоимущих, в том числе 58–59% были заняты в экономике (табл. 3).

Таблица 3. **Распределение малоимущего населения России по группам в 2002–2007 годах** (в %; все малоимущее население страны по каждому году – 100%)

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экономически активное население	61,2	60,5	60,2	60,2	60,5	61,1
Занятые в экономике	58,7	58,2	58,1	58,4	58,7	59,4
В том числе:						
работающие пенсионеры	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8	4,1
Безработные	2,4	2,3	2,1	1,9	1,8	1,7
Экономически неактивное население	38,8	39,5	39,8	39,8	39,5	38,9
В том числе неработающие пенсионеры	16,1	16,2	15,7	15,0	15,1	15,1

Источник: [Социальная... 2010, с. 181].

В такой ситуации не удивительно, что все еще сохраняется существенная социальная база для архаичного типа патернализма. Государству, с одной стороны, удается опираться на достаточно массовые слои, во многом по независимым от них причинам не способные самостоятельно решать свои проблемы в рамках существующей институциональной системы или не желающие решать их самостоятельно. Однако фактическое сбрасывание с себя государством своих обязательств начинает постепенно размывать эту конструкцию.

Более того, А. Городецкий и А. Рубинштейн полагают, что современные задачи страны в свете концепции социального либерализма и теории опекаемых благ – это «создание сильных институтов гражданского общества и сбалансированной системы государственного управления» [Городецкий, Рубинштейн 2017, с. 34]. А, как подчеркивает К. Рогов, если связанные с государством институции «активно продвигают патерналистские установки, этатистские идеологии и маскулинные ценности, формирующие или поддерживающие блоки социальной архаики», все же «на фоне «замораживания» или архаизации многих социальных институтов» все яснее звучит в России дискуссия о «низовой модернизации» [Рогов 2018]. Об этом же говорят и такие видные социологи, как В. Магун и Э. Панеях (см., например, [Магун 2018; Панеях, 2018]). В частности, Панеях

полагает, что Россия сегодня находится как раз на выходе из эпохи, где государство и его бюрократические структуры были главными поставщиками институтов, прежде всего доверия [Панеях 2018].

Правда, А. Гудков предостерегает от чрезмерных надежд на «низовую модернизацию», так как фиксируемые процессы носят все же сегментарный характер. И если особенно в сфере частной экономики ослабли государственно-патерналистские ориентации, растут ответственность за свои обязательства, доверие к партнеру и т.п., то по-прежнему остается под вопросом возможность этих процессов повлиять на трансформацию «больших» институциональных систем. Сам Гудков отвечает на этот вопрос отрицательно: «В нашей повседневности мы имеем дело с амальгамой различных по происхождению и функциям отношений. В этой вертикали сочетаются как архаистские или традиционалистские представления... с самыми современными... Это не подлинный традиционализм поведения или воззрений. Я бы их назвал квазитрадиционалистскими, потому что это не настоящая архаика, не подлинная традиция, а апелляция к воображаемой архаике, современным мифам о традиции, которые уживаются с зонами, в которых действительно человек ответственен». Но только эта «зона индивидуального контроля, ответственности у нас очень узкая» [Гудков 2018].

Заключение

Новый этап социально-экономического развития, переход наиболее развитой части миросистемы на постиндустриальный, цифровой, уровень требуют и соответствующих изменений в институциональной структуре общества. В России это диктует необходимость кардинального пересмотра как государством, так и гражданами всей системы их взаимной ответственности. В противном случае рухнет доверие и населения к «патеру», пренебрегающему своей ответственностью за поддержание жизненно важных для людей сфер, и «патера» к населению, в котором он усматривает четкие тенденции к уклонению от своих обязательств по уплате необходимых казне средств. Как отмечает В. Полтерович, повышение ответственности общества за неблагоприятные случайности, жертвой которых может стать любой гражданин, ознаменовала бы «начальный этап перехода к новому пониманию роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович 2018, с. 90].

Такие глубинные изменения не могут не повести за собой, как это было и в других странах, постепенную эволюцию от господствующих сегодня архаичных форм патернализма, по сути становящихся непосильными для государства, к его современным гибким и многообразным формам. Данная эволюция означала бы и отказ государства от монополии на тот вид коллективизма «сверху», который господствует в системе «власти-собственности», и поддержку им (или хотя бы не препятствование) формирования структур, воплощающих принципы коллективизма «снизу». При этом важно подчеркнуть, что переход к такой попытке невозможен без качественного повышения уровня доверия в обществе на всех уровнях его социально-экономической структуры, а также между ними.

При всем отрицании методов архаичного патернализма и переходе к его более современным формам, опирающимся на встроенный контроль гражданского общества над всеми стадия-

ми разработки, принятия и реализации решений, предлагаемого властными структурами в сочетании со встречным движением низовых инициатив и их реализации органами власти, нельзя не признать, что путь такого перехода и труден, и достаточно длителен. Его должны пройти не только повышающие свое мастерство активисты гражданского общества и просто граждане, но и те, кто олицетворяют сегодня «патера», прежде всего наиболее дальновидные члены этой коалиции. Вспомним, что Полтерович отмечает: успехи модернизации достигались теми государствами, причем государствами сильными, которые, проводя разнообразные преобразования, смогли «подавить избыточную распределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества» [Полтерович 2007, с. 283].

Это также означает, что необходимо покончить с монополией коллективизма «сверху», который по сути отождествляется с государственным коллективизмом, с деятельностью под прямым руководством или с одобрения государства-«патера», к поощрению и развитию самых разных форм коллективизма «снизу». Возникающие несмотря ни на что то тут, то там благотворительные, волонтерские или просто соседские объединения и движения свидетельствуют о том, что современное российское общество готово к такому переходу. А это значит, что низовые организации начнут постепенно снимать с государства-«патера» часть той ответственности за жизнь общества, которую оно приняло на себя, но из-за непосильного ее объема *de facto* давно уже не выполняет. Это означает и то, что обусловленная деформациями политической сферы попытка переложить на патерналистские практики роль «скреп» государства и общества также оказалась несостоятельной. И неизбежна перспектива возвращения патернализму (причем в самых разнообразных его формах) его естественных функций, органичных для современного государства.

Литература

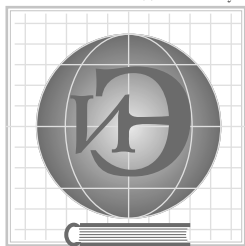
- Ахиезер А.С.* (1997). Россия: критика исторического опыта. Т. I От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В.* (2019). Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // *Общественные науки и современность*. № 1. С.5–18.
- Бусыгина И., Филиппов М.* (2012). Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бызов Л.Г.* (2019). Ценностная эволюция «путинского консенсуса» в первый год последнего президентского срока // *Общественные науки и современность*. № 4. С.42–56.
- Вайда А.* (2005). Кино и все остальное. М.: Вагриус.
- Вельцель К.* (2017). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ».
- Волькенштейн М.* (2018). Разнообразие и приспособленчество // <https://www.inliberty.ru/articl/modern-volkenstein/>
- Гофман А.Б.* (1991). О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. С. 533–566.
- Гофман А.Б.* (2008). От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики*. Под ред. А.Б.Гофмана. М.: РОССПЭН. С. 9–62.
- Грегори П.* (2008). Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина.
- Грейф А.* (2015). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Гудков Л.* (2018). Разные модернизации // <https://www.inliberty.ru/articl/modern-gudkov/>
- Дилигенский Г.Г.* (1997). Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном разви-*

- тии / Под общей редакцией Т.И. Заславской. М.: МВШСиЭН; Интерцентр. С. 273–279.
- Дмитриев М.Э., Никольская А.В. (2019). Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Общественные науки и современность. № 2. С. 19–34.
- Зарубина Н.Н. (2015). Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России. № 2. С. 28–49.
- Ильин А.Н. (2015). Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма // Знание. Понимание, Умение. № 5 (www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism/).
- Корнаи Я. (2000). Социалистическая система. Политическая экономика коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.Д. (1988). Отчуждение труда. История и современность. М.: Экономика.
- Латов Ю.В., Нуреев Р.М. Развилки развития российской власти-собственности в «век-волкодав» 1917–2017 гг. // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: Леонтьевский центр. С. 28–45.
- Лейпхарт А. (1997). Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс.
- Лотман Ю.М. (1994). Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX в.). Часть первая. Люди и чины. СПб.: «Искусство – СПб.» (http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php).
- Магун В. (2018). В кругу «личной эффективности». Разгосударствление постсоветского человека // <https://www.inliberty.ru/article/modern-magun/>
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2015). Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. № 2. С. 50–88.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002). Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–23.

- Оболонский А.В. (1997). На службе государевой: к истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 63–76.
- Общественное мнение – 2016. Ежегодник (2017). М.: Левада-Центр.
- Панеях Э. (2018). Отмирание государства. Российское общество между постмодерном и архаикой // <https://www.inliberty.ru/articl/modern-paneyakh/>
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 100–115.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. № 3. С. 62–113.
- Плискевич Н.М. (2010). «Система низких зарплат» – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 125–146.
- Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. № 2. С. 123–143.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77–102.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ*. М.: Экономика.
- Рогов К. (2018). Слоны и киты российской социальности. Работает ли теория модернизации в мире, Китае и России // <https://www.inliberty.ru/articl/modern-rogov/>
- Рубинштейн А.Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 116–132.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм и консоциативный патернализм // *Социальный либерализм* / Под ред. А.Я. Рубинштейна и Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Социальный либерализм* / Под ред. А.Я. Рубинштейна и Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя.
- Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации (2010) М.: «Дело».

- Тамбовцев В.А.* (1999). Экономические институты российского капитализма // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Под ред. Т.И. Заславской. М.: Логос. С. 193–201.
- Темницкий А.А.* (2010). Социальные и культурные «скрепы» патерналистской цивилизации в России // Российское общество в современных цивилизационных процессах/ Под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис. С. 461–467.
- Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Бюллетень № 5 (1990). 19 декабря. М.: Съезд народных депутатов.
- Чубарова Т.В.* (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. № 6. С. 43–54.
- Эйзенштадт Ш.* (2010). Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. № 6. С. 42–67.
- Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ. Часть 3. Государство в современной России (2003). М.: Московский общественный научный фонд.
- Юдин Г.* (2018). В России господствует агрессивный индивидуализм ([https:// philologist.livjournal.com/10644752](https://philologist.livjournal.com/10644752)).
- Ясин Е.Г.* (2002). Российская экономика. Истоки и панорама российских реформ. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ.
- Baumol W.J.* (1990). Entrepreneurship: Productive Unproductive and Destructive // Journal of Political Economy. Vol. 98. No.5, Pp. 897–899.
- Hellman J.* (1998). Winners Take. All the Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No.2. Pp. 203–234.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Плискевич Н.М.

**Патернализм и процессы
постсоциалистической трансформации**

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борищева И.В.*

Подписано в печать 12.09.2019 г. Заказ № 26

Тираж 300 экз. Объем 2,3 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН